

Оказавшись на свободе, Лин Шу вдруг заметил, что его меч Чжэньбин лежит совсем рядом. Раз уж умереть не довелось, долг мести следовало исполнить. Резко оттолкнув Ян Е, он бросился к оружию, перехватил рукоять и наотмашь полоснул клинком в сторону юноши.

Ян Е не ожидал, что спасённый им Лин Шу тут же обратит против него оружие.

«Похоже, правы поэты: любовь издревле приносит лишь тщетные сожаления».

Юноша кубарем покатился по земле. Остриё всё же задело плечо и левое предплечье — от неглубокого пореза по телу мгновенно растёкся леденящий холод, заставив его содрогнуться. Стиснув зубы, Ян Е оттолкнулся носком сапога, взмыл в воздух и поспешно укрылся за спиной Бэйчэнь Цина.

Лин Шу бросился вдогонку, но Бэйчэнь Цин уже выставил навстречу саблю. Обученные гвардейцы генерала слаженно ринулись в бой, зажимая противника в тиски. Нападая один за другим, они теснили Лин Шу, вынуждая его обороняться из последних сил. Однако тот не сдавался: клинок в его руках свистел подобно вихрю, а взор был устремлён лишь на Ян Е, которого он жаждал прикончить во что бы то ни стало.

Заметив издали отчаянно сражающегося Лин Шу, генерал Ло Ин воспрянул духом. Он поспешил на помощь, крича на бегу:

— Господин Лин, мы попали в засаду! Нельзя медлить, прорываемся вместе со мной!

С отрядом воинов он подобно буре врезался в самую гущу схватки, разделив Бэйчэнь Цина и Лин Шу. Засверкала сталь, и Ло Ин принял удар командующего на себя. Тем временем по течению реки спускались его многочисленные кожаные плоты; прибывавшие подкрепления с ходу вступали в бой.

Лин Шу на мгновение замешкался. Пробившиеся следом за генералом Дун Чунь и остальные офицеры принялись наперебой уговаривать его:

— Господин заместитель судьи, наши отряды разбиты наголову, потери огромны! Нельзя здесь оставаться, уходим!

Лин Шу до крови закусил губу. Уступать было невыносимо, но здравый смысл возобладал над упрямством.

— Хорошо! — выдохнул он.

Перед тем как отступить, он окинул Ян Е полным ярости взглядом. Юноша в ответ лишь кокетливо и нежно улыбнулся. Лин Шу резко развернулся и устремился вслед за Ло Ином к покачивающимся на воде плотам.

Бэйчэнь Цин не собирался отпускать врага и приказал преследовать отступающих. Ян Е, по-прежнему прячась за спиной командующего, принялся подпрыгивать и воинственно размахивать кулаками:

— Живьём берите! Обязательно берите их живыми!

Воинство Ло Ина было довольно многочисленным. Оправившись от первоначального потрясения, они сплотились вокруг своего полководца. Оказавшись на краю гибели, солдаты дрались с отчаянным мужеством обречённых. Преследователям так и не удалось запереть их: прорубив кровавую просеку в рядах противника, остатки армии Ло Ина взошли на плоты и переправились на другой берег.

Ян Е наконец облегчённо выдохнул:

— Юньци, ну зачем ты позволил им уйти?

Бэйчэнь Цин покосился на него:

— Разве не ты только что обещал отпустить господина Лина?

— Да я же соврал ему! Я... Ох, Юньци, у тебя рука ранена! Сколько крови пролилось, у меня аж сердце кровью обливается! Иди-ка сюда, я тебя перевяжу.

Бэйчэнь Цина было не так-то просто отвлечь, но портить юноше настроение он не хотел, а потому безропотно позволил превратить своё предплечье в неуклюжее подобие бесформенного кокона. Пока Ян Е хлопотал вокруг него, генерал с невозмутимым видом продолжал отдавать приказы: велел добить уцелевших врагов, зачистить поле боя, подсчитать потери и предать мёртвых земле.

Ян Е, восхищённый его хладнокровием и властной уверенностью, так и рассыпался в похвалах:

— Юньци, какой же ты статный, какой умелый! Ну-ка, дай я тебя поцелую!

Он повис на плече генерала, пытаясь дотянуться до его щеки. Бэйчэнь Цин перехватил его ладонь, собираясь отстранить навязчивого юношу, но пальцы Ян Е оказались ледяными как смерть. Генерал вздрогнул и внимательно оглядел спутника. Тот с ног до головы был покрыт чужой и собственной кровью вперемешку с жидкой грязью — живого места не осталось, лица не разглядеть.

— Тебя задел клинок Чжэньбин? — спросил Бэйчэнь Цин. — Почему ты такой холодный?

— Пустяки, — отмахнулся Ян Е. — Царапина, не больше. Честное слово, пустяки.

— Разумеется, — сухо отозвался Бэйчэнь Цин. — По сравнению с пытками в застенках Верховного суда это и впрямь мелочь.

Опасаясь, что юноша вот-вот лишится сил, генерал поручил завершить зачистку Юань Оумину, а сам поспешил забрать Ян Е в лагерь.

Когда генерал Юань Оумин подвёл итоги сражения, выяснилось, что войско Ло Ина потеряло более двадцати тысяч человек. Потери же гвардейцев Чжао-вана не превысили трёх тысяч. Первая победа воодушевила солдат, и над лагерем разнёсся победный клич.

Вечером, наскоро смыв грязь, Ян Е сопровождал Бэйчэнь Цина на праздничном пиру для военачальников. Когда же они вернулись в покои, юноша, продолжая дрожать от озноба, забрался под тёплое одеяло генерала и оттуда наблюдал, как тот выводит на свитке доклад о победе для Чжао-вана.

Подождав немного, Ян Е спросил:

— Закончил? Ну-ка, дай взглянуть.

Бэйчэнь Цин со вздохом протянул ему свиток. Ян Е быстро пробежал глазами по строчкам и покачал головой:

— Юньци, так дело не пойдёт. Военные донесения должны быть краткими и ёмкими. Пиши только самое важное: сколько полегло у врагов и сколько потеряли мы. Четвёртый брат должен порадоваться, а уж когда он доволен — и у всех на душе станет легче. О моей ране упоминать не нужно, и о том, как я барахтался в грязи, тоже забудь. Напиши просто, что я соскучился. Давай-ка сюда, я это порву, а ты перепишешь заново. Ты ведь у меня такой прилежный, такой красивый, да и почерк у тебя загляденье!

С этими словами он безжалостно разорвал донесение на мелкие клочки, смял их и швырнул на пол.

Послушать его, так прославленный генерал Бэйчэнь составлял отчёты впервые в жизни и не смыслил в этом ни бельмеса. В колеблющемся пламени свечи лицо Бэйчэнь Цина оставалось бесстрастным, а ресницы были опущены. Он молча придвинул к себе чистый лист и вновь взялся за кисть. Лишь спустя минуту негромко произнёс:

— Если ты так скучаешь по Четвёртому принцу, я выделю охрану, и тебя отвезут обратно.

Ян Е тут же вскинулся:

— Ну уж нет! Даже не думай выпроваживать меня! Я тебе ещё пригожусь.

— Разумеется, — отозвался Бэйчэнь Цин. — Ты оказался куда полезнее меня. В моём донесении от начала до конца превозносятся лишь твои заслуги. До твоего появления мы с Ло Ином топтались на месте, изнывая от досады. И стоило тебе явиться, как мы одержали сокрушительную победу. Ты приносишь удачу, потому тебе и место подле Его Высочества.

Ян Е взгляделся в его лицо, почуяв неладное. Накинув плотный плащ, он торопливо подошёл к столу, заглянул генералу в глаза и заискивающе улыбнулся:

— Ты что, злишься? Неужто приревновал? Может, нам тоже стоит разок вместе поваляться в грязи?

Видя, что юноша так и заходится мелкой дрожью, Бэйчэнь Цин мягко подтолкнул его обратно к постели и сам присел на край, намереваясь продолжить разговор. Однако за пологом шатра послышались торопливые шаги. Дежурный доложил, что соглядатаи, отправленные на восточный берег реки Куге, спешно вернулись с важными вестями.

Бэйчэнь Цин велел впустить гонца. Тот доложил нечто изрядно озадачившее командование: разбитое войско Ло Ина под покровом ночи внезапно свернуло лагерь и поспешно двинулось на запад.

— Разузнайте всё как следует, — приказал Бэйчэнь Цин, и вестник скрылся в темноте.

Генерал повернулся к Ян Е, собираясь вновь завести речь о возвращении к Чжао-вану. Но юноша, угадав его намерения, мигом натянул одеяло до самого носа.

— Я никуда не уеду, и точка! — донеслось из-под плотной ткани. — Всё, я сплю, и не смей меня будить своими нотациями!

Глубокой ночью пришло новое донесение. Оказалось, что принц-консорт Сицзя, Цзинь Яжэнь, воспользовавшись битвой между Ло Ином и Бэйчэнь Цином, во главе своего воинства прорвал оборону Боковой заставы. Заняв два приграничных поселения и дочиста их разграбив, чужеземцы наотрез отказались уходить. Наместники застав Яньмэнь и Нину предпочли запереться за своими стенами и отказали в помощи. Ло Ину ничего не оставалось, кроме как повернуть войска назад, чтобы выбить незваных гостей со своей земли.

— Эй! Пригласите генерала Юаня! — скомандовал Бэйчэнь Цин и велел лазутчикам удостовериться в правдивости этих сведений.

Ян Е, который и не думал засыпать, бесстыдно высунул голову из-под одеяла и уставился на генерала лукавым взором. Бэйчэнь Цин обернулся к нему:

— Если слухи подтвердятся, упускать такую возможность нельзя. Мы немедленно переправимся через реку и займём посёлки Фугу и Баодэ на восточном берегу. Сумеет там

закрепиться — сможем соединить наши силы с армией Чжао-вана. А ты, Сяо Лан, останешься охранять лагерь. Под ногами не путайся.

— Ну уж нет, я иду с тобой! — всполошился Ян Е.

Он живо выскочил из постели и принялся натягивать сапоги. В этот момент в шатёр вошёл Юань Оумин в сопровождении нескольких помощников. После недолгого военного совета было решено разделить силы на четыре колонны. Они должны были пересечь реку и подойти к посёлкам Фугу и Баодэ с севера, юга и востока. Бэйчэнь Цин лично повёл отряды на Фугу, Юань Оумин устремился к Баодэ. Ян Е, разумеется, тенью следовал за командующим.

Ло Ин стянул поредевшие полки к Боковой заставе, горя желанием выбить захватчиков. Цзинь Яжэнь, прежде нападавший лишь ради быстрой наживы, на сей раз прочно обосновался на завоёванных землях. Видимо, даже суровые приграничные Три заставы показались чужеземцу райским уголком по сравнению с его бесплодными родными краями, и уходить он не собирался.

Пока Ло Ин увязал в затяжных стычках с иноземцами, Бэйчэнь Цин и Юань Оумин молниеносным ударом овладели Баодэ и Фугу. Спешно укрепив захваченные рубежи и распределив дозоры, они создали несокрушимый заслон, прикрывший восточный фланг наступающего войска Чжао-вана.

Тем временем в столице Император изнывал от неизвестности: донесения с северных рубежей задерживались. Ло Ин попросту не осмеливался слать в Лоян дурные вести, надеясь сначала разобраться с навалившимися с двух сторон врагами, а уж после доложить о победе.

Однако то, что утаивал полководец, поспешил выдать другой. Помощник министра Цзинь Хуайюй втайне от всех снарядил гонца из гвардии Ичжэнь в столицу. Подробный тайный доклад лёг на стол императора Ян Тао глубокой ночью. Государю вновь пришлось отодвинуть в сторону почивавшую в его объятиях наложницу. Красавица — всё та же, что и в прошлый раз, — недовольно надула губы:

— О чём пишут Вашему Величеству?

Она попыталась заглянуть в свиток, но Ян Тао сурово осадил её:

— Не женское это дело — в государственные тайны совать нос!

— Рабыня лишь хотела узнать, нет ли вестей от её брата, — пролепетала та в оправдание.

Лицо Ян Тао потемнело от гнева:

— От твоего брата уже вечность ни слуху ни духу! Пусть только попадётся мне на глаза, я

лично спрошу, на чьей он стороне!

Больше не обращая внимания на фаворитку, Император углубился в чтение. Слог помощника министра Цзина славился на весь Лоян: он расписал происходящее в мельчайших подробностях на нескольких листах, столь живо и красноречиво, словно сам стоял на поле боя. Поначалу Ян Тао лишь хмурился, но постепенно пальцы его задрожали, а к концу чтения его была крупная дрожь от ярости. Не помня себя, он разорвал донесение в клочья.

В оцепенении обогнув резную ширму из грушевого дерева, он нетвёрдой походкой подошёл к письменному столу. Он собирался набросать ответный указ, но ярость окончательно затмила его разум. Схватив тяжёлое хрустальное пресс-папье, Император с силой швырнул его на пол. Следом полетели каменная тушечница, изящные кисти из кроличьего ворса и даже его любимая чаша для омыwania кистей из драгоценного пурпурного фарфора. Грохот бьющейся утвари разорвал ночную тишину дворцовых покоев. И в самом зале, и за его пределами все затаили дыхание — воцарилось мёртвое безмолвие.

Лишь когда ночной ветер качнул подвешенные у южного окна колокольчики, их тихий звон вернул правителя к реальности. Ян Тао опустил взгляд: перед ним на коленях, сжавшись от страха, застыл престарелый евнух Хэ Цинчунь, верой и правдой служивший ещё покойному императору, а за его спиной безмолвно ниц пали слуги и служанки.

Император тяжело вздохнул и глухо произнёс:

— Встаньте. Приберите здесь всё.

На утреннем приёме на следующий день Ян Тао сдерживал гнев, но на его помрачневшем лице читалось глубокое уныние. Едва совет завершился, государь велел канцлеру Цзоу, великому маршалу Фану и другим ключевым сановникам явиться в Императорский кабинет. И там его ярость наконец хлынула через край.

Первым под удар попал Чжао-ван Ян Си:

— Этот бездельник, мой младший брат! Чего ему не хватало?! С чего вдруг он возомнил, что может безнаказанно плести заговоры и бунтовать против престола? Я великодушно согласился пожаловать ему во владение земли близ заставы Фэньюй, но его волчья сыть всё равно требует большего! Мерзавец! Настоящий негодяй!

Следом досталось Бэйчэнь Цину:

— А этот Бэйчэнь Цин? Рабская душонка! Не способен отличить верность от предательства! Пошёл на поводу у мятежного принца, поправ волю Небес. Жалкий глупец, попусту растративший своё хвалёное ратное мастерство на разбойничье ремесло!

Затем гнев монарха обрушился на принца-консорта Сицзя:

— И этот варвар Цзинь Яжэнь! Неумытый степняк возомнил, что может урвать кусок от земель великой Да Янь? Какая неслыханная дерзость!

Наконец, черёд дошёл до Вэй Мэндо, Цзин Хуайюя и Ло Ина:

— А наши доблестные защитники? На словах в тронном зале — каждый герой, а как дошло до дела, так не могут совладать с кучкой бунтовщиков! За какие заслуги казна выплачивает им жалованье?

О самом же главном виновнике бедствий, маркизе Хуайнань Ян Е, Император даже говорить не желал. Лишь процедил сквозь зубы одно короткое ругательство:

— Тварь!

<http://bllate.org/book/19546/1998798>